

DOI: 10.31862/0130-3414-2022-6-11-23

С.А. ДжанумовМосковский городской педагогический университет,
129226 г. Москва, Российская Федерация

Русский фольклор в творчестве С.Т. Аксакова

Аннотация. В статье рассматриваются народные песни, пословицы и поговорки, а также некоторые другие жанры русского фольклора, которые творчески используются в произведениях замечательного русского писателя Сергея Тимофеевича Аксакова (1791–1859). Цель исследования – выявление роли и значения фольклорных жанров, мотивов и образов русского народного поэтического творчества в художественных произведениях, автобиографической прозе, статьях и заметках С.Т. Аксакова, как хорошо известных, так и имеющих в настоящее время историко-литературный интерес. В отдельных работах отечественных литературоведов обычно упоминается только литературная сказка писателя «Аленький цветочек». Даже в обстоятельной монографии С.И. Машинского «С.Т. Аксаков: Жизнь и творчество» (1973) проблема фольклоризма С.Т. Аксакова почти не затрагивается, хотя и говорится о воздействии народного языка на речевую структуру его произведений. В стороне от исследований литературоведов, как правило, остаются и такие жанры фольклора в творчестве Аксакова, как народные песни, пословицы и поговорки, календарно-обрядовая и семейно-обрядовая поэзия. Именно им уделяется преимущественное внимание в статье. Следует отметить, что писатель не просто цитирует фольклор: фольклорные образы и мотивы являются органическим элементом его стиля, его художественного письма, естественно вплетаются в общую ткань повествования. Аксаков тонко, мастерски привлекает фольклор для характеристики ситуации, воссоздания народного колорита, при изображении природы, для раскрытия личности и психологии того или иного персонажа, особенностей его речи. Такие особенности стиля Аксакова, как точность, ясность, пластичность, во многом идут именно от фольклора, живого народного языка.

Ключевые слова: фольклор в творчестве С.Т. Аксакова, народные песни, пословицы и поговорки, сказки, фольклорные эпитеты, мотивы и образы, лексика и фразеология фольклора

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Джанумов С.А. Русский фольклор в творчестве С.Т. Аксакова // Литература в школе. 2022. № 6. С. 11–23. DOI: 10.31862/0130-3414-2022-6-11-23

DOI: 10.31862/0130-3414-2022-6-11-23

S.A. Dzhanumov Moscow City University,
Moscow, 129226, Russian Federation

Russian folklore in the works of S.T. Aksakov

Abstract. The article is concerned with folk songs, proverbs and sayings as well as some other genres of Russian folklore used in a creative way in the books written by an outstanding Russian author Sergey Timofeevich Aksakov (1791–1859). The study aims to establish the meaning and the role of folk genres, motives and images of the Russian poetic folklore in the works of art, autobiographical prose, articles and notes by S.T. Aksakov both well-known ones and those of a mostly historic and cultural value. Only a fairy tale “A little scarlet flower” has been the subject of research by some Russian scholars. Even an in-depth monographic study by S.I. Mashinsky “S.T. Aksakov: Life and works” (1973) barely mentions the issue of folklore in the works of S.T. Aksakov even though it does consider the impact of folk language on the speech structure of his works. On the whole, the researchers do not pay due attention to such genres of folklore in Aksakov’s works as folk songs, proverbs and sayings, calendar-ritual and family-ritual poetry, which the article mainly focuses on. It should be emphasized that the writer does not just cite folklore, but folk images and motives are an integral part of his style and artistic writing, which is organically interwoven into the general narrative structure. Aksakov subtly, skillfully draws the folklore to characterize the situation, recreate folk coloring, depict nature, reveal the personality and psychology of a particular character, as well as the features of their speech. Such features of Aksakov’s style as accuracy, clarity, plasticity, largely come from folklore, a living folk language.

Key words: folklore in S.T. Aksakov’s oeuvre, folk songs, proverbs and sayings, fairy tales, folk epithets, motives and images, vocabulary and phraseology of folklore

CITATION: Dzhanumov S.A. Russian folklore in the works of S.T. Aksakov. *Literature at School*. 2022. No. 6. Pp. 11–23. (In Rus.). DOI: 10.31862/0130-3414-2022-6-11-23

С детских лет в нашем сознании имя Сергея Тимофеевича Аксакова (1791–1859) прочно связано со сказкой «Аленький цветочек», являющейся своеобразным приложением к его автобиографической повести «Детские годы Багрова-внука» (1858).

Но фольклорная стихия явственно ощущается в творчестве писателя, начиная с самых ранних его произведений. Уже одно из первых его стихотворений – «Уральский казак» (1821) – восходит к народнопоэтической традиции. Оно сразу же стало

популярным в народе и в переработанном виде вошло в песенный репертуар [См.: 1, т. 4, с. 239–240].

Аксаков не раз обращается к народной песне и в своем дальнейшем творчестве. Так, в «Семейной хронике» (1856), давая описание уездного городка Бугуруслана Уфимского наместничества, он приводит отрывок народной песни:

«Кинель-река
Не быстра, глубока,
Только тиниста, –

в Бугуруслане остановился Степан Михайлович...» (его прототип Степан Михайлович Аксаков, дед писателя. – С.Д.) [Там же, т. 1, с. 62].

В той же «Семейной хронике» прочно связаны с образом Прасковьи Ивановны Багровой (в замужестве Куролесовой; ее прототип – Надежда Ивановна Аксакова. – С.Д.) русские песни, которые она, как отмечает писатель, «страстно любила» и «знала бесчисленное множество» [Там же, с. 87]. И даже будущий муж ее – Михаил Максимович Куролесов (его прототип – Михаил Васильевич Куроедов. – С.Д.), чтобы угодить своей невесте, зная ее любовь к песням, хороводам и всяким игрищам, «мастерски певал с нею русские песни» [Там же, с. 89]. И затем, уже в «Детских годах Багрова-внука», Аксаков еще раз обращает внимание на то, что в доме Прасковьи Ивановны в Чурасове «пели иногда романсы и русские песни» [Там же, с. 518].

Отношение к фольклору является у Аксакова одним из важных средств характеристики его персонажей. Будучи человеком, горячо любившим русское народное поэтическое творчество, тонко чувствующим красоту и самобытность фольклора, Аксаков

с симпатией относится к тем своим героям, людям из народа, которые обнаруживают особое мастерство в исполнении песен и сказок. Так, писатель в «Детских годах Багрова-внука» не раз вспоминает с большой любовью ключницу Пелагею, «которая была великая мастерица сказывать сказки» [Там же, с. 468–469], с теплотой говорит о прекрасной исполнительнице народных песен дворовой девушке Матрене, которая имела чудесный голос и была *запевалой* (курсив С.Т. Аксакова. – С.Д.)» [Там же, с. 498]. И чуть ниже с глубоким чувством напишет: «...песни и голос Матрешки заронились мне в душу» [Там же, с. 499].

И, напротив, уже в другом автобиографическом произведении «Воспоминания» (1856) Аксаков не раз с горечью и сожалением отмечает, что его мать Мария Николаевна (урожденная Зубова. – С.Д.), к которой он был так сильно, горячо и нежно привязан, из-за своего городского воспитания, а, возможно, и по каким-то другим причинам «не понимала и не любила ни хороводов, ни свадебных и подблюдных песен, ни святочных игрищ, даже не знала их хорошенько» [1, т. 2, с. 65]. С детства врезалось в душу Сережи Багрова воспоминание о том, как однажды, во время лесной прогулки, он «подбежал к Матреше и, похвалив ее прекрасный голос, спросил: “Отчего она никогда не поет в девичьей?” Она наклонилась и шепнула мне на ухо: “Матушка ваша не любит слушать наших деревенских песен”» [Там же, т. 1, с. 499]. Аксакова всегда больно ранило такое равнодушное и неприязненное отношение к народному поэтическому творчеству, хотя ей, своей матери, ее самоотверженности, ее горячей любви

к сыну, писатель посвятил лучшие страницы своей автобиографической трилогии.

Целый ряд произведений С.Т. Аксакова овеян образами и настроениями русских народных песен. Песенная символика и стилистика широко используются в «Записках об ужении рыбы» (1847) и в «Записках оружейного охотника Оренбургской губернии» (1852). Появление этих естественнонаучных и вместе с тем глубоко лирических книг писателя вызвало ряд положительных откликов в печати. Так, И.С. Тургенев заключил свою первую заметку о «Записках ружейного охотника...» следующими словами: «Эту книгу нельзя читать без какого-то отрадного, ясного и полного ощущения, подобного тем ощущениям, которые возбуждает в вас сама природа; а выше этой похвалы мы никакой не знаем» [12, с. 508].

В «Записках...» именно в свете традиционной фольклорной поэтики часто даются описания рыб и птиц, раскрываются картины русской природы. Так, например, наблюдая за повадками молодых рыбок, Аксаков делает следующее лирическое отступление, в котором передает отношение народа к этим обитателям рек и прудов юга России, их поэтическое изображение в народных песнях: «Почти все молодые рыбки, особенно некоторые из пород не очень крупных, так красивы, или, лучше сказать, так милостивы, резвы и чисты, что народ на юге России употребляет слово *рыбка* (здесь и далее курсив С.Т. Аксакова. – С.Д.), как слово ласки, нежности – в похвалу красоте и прелести девической. Оно нередко встречается в народных малороссийских песнях, в которых чувство любви если не так глубоко, не так серьезно, как

в старинных песнях великорусских, зато нежнее, эстетичнее, так сказать» [1, т. 4, с. 348].

Такие же тонкие, исполненные высокой поэзии и красоты, одушевленные народным эстетическим чувством описания природы мы встречаем в «Записках ружейного охотника...». И здесь народная поэзия проникает в самые, казалось бы, будничные и прозаические картины охоты. В главе о лебедях, после обстоятельных, почти научных наблюдений над повадками этих птиц, наблюдений, которые бы сделали честь любому орнитологу, Аксаков обязательно упомянет об изображении лебедей в народных песнях и былинах: «Лебедь живет в старинных наших песнях, очевидно сложенных на юге России, живет также до сих пор в народной речи, хотя там, где теперь обитает настоящая Русь, лебедь не мог войти ни в песню, ни в речь, – так мало знает и видит его народ. На юге, в Киеве, попал он в народные песни и на великокняжеские столы; его *рушала*, т.е. разрезывала, сама великая княгиня, следовательно, лебедя ели. Вероятно, оттуда, по преданию и старому обычаю, перебрался он на столы великих князей и царей московских и в народную современную речь, где слова *лебедка* и *лебедушка* остались навсегда выражением ласки и участия» [Там же, т. 5, с. 110].

Главу же «Гусь» Аксаков прямо начинает со ссылки на фольклор, на народные песни: «*Серым гусем* называют его старинные русские песни, и называют верно» [Там же, с. 111]. Подобные же фольклорные реминисценции мы находим и во многих других главах «Записок ружейного охотника...». И это, разумеется,

неслучайно. Любовь к природе, тонкое понимание ее красоты, ее неповторимой прелести, – все это роднит С.Т. Аксакова с народом. Поэтому он так часто и ссылается на народные чувства и мысли по отношению к природе, на фольклор.

Дважды писатель цитирует одну из народных шуточных лирических песен в главах «Серая утка» и «Перепелка». Вот что он пишет о серой утке: «Ей по преимуществу принадлежит место в русской песне, когда говорится:

Уж я улицую,
Серой утицею, и пр.»
[1, т. 5, с. 135]

И далее, рисуя неприхотливые, но глубоко поэтические сценки и картинки из жизни и нравов перепелок, Аксаков вновь приводит отрывок той же песни, но уже несколько поясняя ее символику и фольклорное сравнение: «Перепелка, или *перепелица*, зашла и в русскую песню. Молодой парень, распевая о том, как ловко и легко пройдет он к своей красной девице, между прочим говорит:

Уж я улицую – серой утицею,
Через черную грязь – перепелицею.

Очевидно, что легкость и проворство перепелиного бега внушили ему это живописное сравнение» [Там же, с. 220].

Замечательно, что в народных лирических песнях мы действительно находим образы всех этих птиц: лебедей [10, с. 139], гусей [Там же, с. 242], серых уток [Там же, с. 244], и именно в том поэтическом контексте, в каком они упомянуты в «Записках ружейного охотника...».

Немало любопытных материалов мемуарного характера, а также эле-

ментов песенного фольклора содержится в «Литературных и театральных воспоминаниях» (1856–1858), «Истории моего знакомства с Гоголем» (1890), критических статьях и заметках С.Т. Аксакова. Рисуя портреты своих современников, Н.В. Гоголя, М.Н. Загоскина, Аксаков неизменно подчеркивает их пристальный интерес к народной песне, к другим жанрам фольклора.

Так, в «Истории моего знакомства с Гоголем» писатель вспоминает, как внимательно изучал Гоголь печатные фольклорные сборники, в частности, семитомный сборник А.В. Терещенко «Быт русского народа» (1848): «Часто также читал вслух Гоголь русские песни, собранные г-м Терещенко, и нередко приходил в совершенный восторг, особенно от свадебных песен» [1, т. 3, с. 359]. Вместе с тем Аксаков отмечает прекрасное знание Гоголем украинских народных песен и умение с неподражаемым мастерством исполнять их: «Пелись малороссийские песни, и Гоголь сам пел очень забавно» [Там же, с. 371]. Такие свидетельства и подробности драгоценны для нас в том смысле, что они проливают дополнительный свет на характер фольклористических интересов Гоголя (более подробно о роли и значении фольклора в статьях и эпистолярном наследии Гоголя см. в нашем учебном пособии «Фольклор в статьях и письмах Н.В. Гоголя» (2011) [3]).

Воссоздавая облик другого писателя-современника – М.Н. Загоскина (1789–1852), Аксаков приводит интересные и малоизвестные факты, касающиеся творческой истории довольно распространенной в народе песни Загоскина «Мы живем среди полей...». Как явствует из воспоминаний

Аксакова, замысел этой песни принадлежал ему самому, и первоначальный текст одного из куплетов, написанный Аксаковым, был следующий:

Голод, жажду, холод, зной
Иногда мы носим;
Но не чахнем над сохой,
Но не жнем, не косим!

[1, т. 3, с. 119]

Позднее это стихотворение Аксакова было существенно переработано М.Н. Загоскиным и включено в либретто оперы А.Н. Верстовского «Пан Твардовский» (1828). Но и в окончательном тексте Загоскина осталась одна строка, принадлежащая С.Т. Аксакову: «Но не жнем, не косим» [6, с. 368]. Хотя Аксаков принимал деятельное участие в создании песни, он, с присущей ему скромностью, не претендует на авторство и лишь с удовлетворением замечает: «Песня эта сделалась народною, и много лет наигрывали ее органы, шарманки, пели московские цыгане и пел московский и даже подмосковный народ» [1, т. 3, с. 119].

В статье «Биография Михаила Николаевича Загоскина» (1853) Аксаков упоминает о двух других народных песнях, в переработанном виде включенных Загоскиным в либретто оперы А.Н. Верстовского «Аскольдова могила» (1835): «Он (М.Н. Загоскин. – С.Д.) весьма счастливо воспользовался старинной воровской песней, в которой один из разбойников действует точно так же, как Торопка Голован, т.е. поет и словами песни рассказывает своим товарищам, что надо делать, и что они тут же исполняют» [Там же, т. 4, с. 178–179]. Однако так называемая «воровская» («разбойничья», по современной фольклорной терминологии) песня «Близко города Славянска...», которую поет в опере

обаятельный герой Торопка Голован, не имеет ничего общего, кроме отдельных фольклорных эпитетов, с народной песенной лирикой.

Иначе обстоит дело с другой песней, упоминаемой Аксаковым: «Чарочка по столику похаживает...». Такая плясовая песня действительно присутствует в народном песенном репертуаре, и один из ее вариантов записан позднее П.В. Шейном: «Чарочки по столику похаживают...» [См.: 5, с. 219–220]. Аксаков так передает свои впечатления от исполнения этой песни в опере Торопкой Голованом: «Торопка обморачивал их (зрителей, слушателей. – С.Д.) мало-помалу своими шутками, сказками и песнями, а когда заливался соловьем в известном “уж как веет ветерок”, да переходил потом в плясовую “чарочка по столику похаживает” – обаяние совершалось вполне...» [1, т. 4, с. 179].

Аксаков обнаруживает глубокий интерес не только к народным лирическим песням, но и к произведениям календарно-обрядовой и свадебной поэзии. Этнографически довольно точно и вместе с тем с юмором описан эпизод сватовства к одной из теток Сережи Багрова и в «Детских годах Багрова-внука» [Там же, т. 1, с. 461–463]. Красочно воссоздана праздничная и поэтическая атмосфера святочных вечеров и игрищ в «Воспоминаниях»: «...она (тетка С.Т. Аксакова Татьяна Степановна. – С.Д.) устраивала иногда святочные игры и песни у себя в комнате, и сладкие, чарующие звуки народных родных напевов, долетая до меня из третьей комнаты, волновали мое сердце и погружали меня в какое-то непонятное раздумье. <...> В один из таких удобных часов она

уговорила меня посмотреть игрища и, завернув с головой в шубу, отправилась со мной в столярную избу, где ожидала нас, переряженная в медведей, индеек, журавлей, стариков и старух, вся девичья и вся молодая дворня. <...> Сколько было истинной веселости на этих деревенских игрищах! Чудные голоса святочных песен, уцелевшие звуки глубокой древности, отголоски неведомого мира, еще хранили в себе живую обаятельную силу и властвовали над сердцами неизмеримо далекого потомства!» [1, т. 2, с. 65–66].

И тут же, в постраничных сносках, Аксаков приводит подробное описание святочной игры и песню, которую разыгрывали в лицах участники этого представления: «Я помню одну драматическую святочную игру, с особенною песнью и пляскою: <...> посередине избы, на скамье или чурбане, сидит старик (разумеется, кто-нибудь переряженный), молодая его жена в кокошнике и фате, ходя вокруг и приплясывая, поет жалобу на дряхлость мужа, хор ей подтягивает. Пропев куплет, кажется из восьми стихов, из которых я помню два начальные во всех куплетах:

Ох ты горе мое, гореванье,
Ты тяжелое мое, въздыханье... –

жена подходит к мужу и посылает его пахать яровую пашню. Старик кашляет, стонет и дребезжащим голосом отвечает: “Моченьки нет”. Зрители хохочут. Молодая женщина опять поет вместе с хором новый куплет, ходя и приплясывая кругом старика. Таким образом перебираются все полевые работы, и на все приглашения сеять, пахать, косить, жать и проч. старик отвечает словами: “Моченьки нет”, разнообразя

отказ прибаутками и оханьем. Наконец, жена поет последний куплет, в котором говорится, что все добрые люди убрались с полей и принялись варить пиво, потом подходит к мужу и зовет его к соседу “бражки испить”. Старик проворно вскакивает, бодро отвечает: “Пойдем, матушка, пойдем” – и бежит стариковской рысью, утаскивая за руку молодую жену. Громкий веселый хохот зрителей заключает эту игру» [Там же, с. 66].

Так же красочно и подробно, с глубоким знанием народного быта и народных обычаев, художественно воспроизведены Аксаковым масляничные календарные обряды и песни [Там же, с. 67]. А в одном из многочисленных писем к Н.В. Гоголю (от 19 марта 1851 г. из Москвы) Аксаков упоминает весенние игровые и лирические песни, в частности, песню «Ой, на дворе метелица» [1, т. 3, с. 369]. И замечательно, что во всех этих этнографически точных описаниях календарных обрядов и песен писатель шел не от фольклорных сборников, а передавал свои живые впечатления, с детства врезавшиеся ему в память, рассказывал только о том, чему сам был свидетелем.

В автобиографической трилогии Аксакова мы находим и некоторые образцы семейно-обрядовой поэзии. Так, в «Детских годах Багрова-внука», описывая смерть Степана Михайловича Багрова и похоронный обрядовый ритуал, Аксаков приводит отрывок похоронных причитаний: «Вить по мертвому, или причитать, считалось тогда необходимою, долгом. Не только тетушки, но все старухи, дворовые и крестьянские, перебивали в зале, плакали и голосили, приговаривая: “Отец ты наш родимый, на кого ты нас оставил,

сирот горемычных», и проч. и проч.» [1, т. 1, с. 391].

Еще более широко и многопланово, чем народные песни и обряды, использовал в своем творчестве Аксаков пословицы и поговорки. Нами зафиксировано свыше ста случаев употребления пословиц и поговорок только в художественной прозе писателя, не говоря уже об отдельных фольклорных сравнениях и эпитетах, народных приметах, диалектных словах и выражениях, во множестве рассыпанных на страницах его произведений. Пословицы и поговорки, народнопоэтические образы придавали языку, собственной авторской речи Аксакова необыкновенную красочность, выразительность и живость.

Функции этих малых жанров в произведениях Аксакова довольно разнообразны. Пословицы являются важным средством характеристики персонажей, помогают воссозданию внешнего и внутреннего облика героев произведений, передают строй их мыслей и чувств. Так, в «Семейной хронике», рисуя крутой, деспотичный характер главы дома Степана Михайловича Багрова, обращая внимание на его хозяйственную сметку, на его особое умение подмечать малейшие недостатки и провинности, Аксаков пишет: «Он не торчал день и ночь при крестьянских работах, не стоял часовым при ссыпке и отпуске хлеба; смотрел редко, да метко, как говорят, русские люди, и, уж прошу не прогневаться, если замечал что дурное, особенно обман, то уже не спускал никому» [Там же, с. 61]. В другом месте Аксаков в целях более полной и рельефной характеристики С.М. Багрова приводит его любимую поговорку «Сказано – сделано» и подчеркивает: «Эта поговорка испол-

нялась у дедушки без отговорок» [Там же, с. 141].

Бесцеремонность, привычка к власти и беспрекословному повиновению своим требованиям и прихотям проявлялась у Степана Михайловича по отношению не только к домашним, но и к дальним родственникам и гостям. И эту черту характера Багрова Аксаков также подчеркивает, используя народную фразеологию: «В этот же день вечером без церемонии сказал Степан Михайлыч, что пора и *остальным гостям ко дворам* и что он хочет последние дни провести с сыном и невесткой и потолковать с ними без помехи. Разумеется, на другой же день гости разъехались» [Там же, с. 214]. Те же черты внутреннего облика Степана Михайловича Багрова воссоздаются Аксаковым и при помощи традиционных сказочных формул: «...Степан Михайлыч велел позвать к себе Ивана Мальша (сына старинного слуги С.М. Багрова. – С.Д.). <...> Иван Мальш вырос перед своим баринком как лист перед травой» [Там же, с. 224].

Но не только «теневые» стороны характера Степана Михайловича запечатлены в автобиографической трилогии Аксакова. В сложном и противоречивом облике Багрова, как показывает писатель, уживались деспотизм, своеволие и вместе с тем прямота, житейская мудрость, стремление честно и по справедливости решать все вопросы и проблемы. Сердечно полюбив свою невестку Софью Николаевну, мать Сережи Багрова, он старается всячески оградить ее от притеснений золовок, искренне привязывается к ней и, как пишет Аксаков, несколько перефразируя народную поговорку, «ни в ком уже не осталось сомнения,

что свекор *души не слышит* в невестке» [1, т. 1, с. 213]. Следуя патриархальным обычаям и желая сохранить мир и согласие в молодой семье своего сына, Багров ласково поучает невестку, обильно при этом уснащая свою речь пословицами и поговорками: «Не станешь почитать мужа, – пути не будет. Что он скажет или сделает не так, не по-твоему, – промолчи, не всяко лыко в строку, не всяка вина виновата. <...> Ради Бога, не переливай через край; все хорошо в меру, даже ласки и угождения...» [Там же, с. 216–217].

Еще более выразительно характеризует Аксаков при помощи малых жанров фольклора яркого крепостника и самодура помещика Михаила Максимовича Куролесова. С первого же появления Куролесова (в данном случае «значащая» фамилия персонажа очень подходит ему) на страницах «Семейной хроники» писатель знакомит нас с «мнением народным» об этом деспоте и тиране, мнением, почти сплошь облеченным в форму пословиц и поговорок: «Михаила Максимовича мало знали в Симбирской губернии, но как “слухом земля полнится”, <...> то и составилось о нем мнение, которое вполне выражалось следующими афоризмами, что “майор шутить не любит, что у него ходи по струнке и с тропы не сваливайся, <...> что если пойдет на ссору, то ему и черт не брат, что он лихой, бедовый, что он *гусь лапчатый, зверь полосатый...*». И тут же в построчной сноске Аксаков замечает: «Двумя последними поговорками, несмотря на видимую их неопределенность, русский человек определяет очень много ярко и понятно для всякого» [Там же, с. 87–88].

А немного ниже, продолжая свое повествование о Куролесове, писатель опять-таки выражает мнение людей об этом, на первый взгляд, обходительном и учтивом человеке, обильно используя пословицы и поговорки: «Носились также слухи, <...> что майор большой гуляка, т.е. охотник до женского пола и до хмельного, но знает всему место и время. Первая охота прикрывалась поговоркой, что “быль молодцу не укора”; а вторая, что “выпить мужчине не беда” и что “кто пьян да умен, – два угожья в нем”» [Там же, с. 88]. И далее в рассказ о Куролесове Аксаков то и дело вкрапывает пословицы и поговорки: «Похлебав несолоно, отъехал Михаил Максимович от Степана Михайловича...» [Там же, с. 90]; «...он позволял себе от времени до времени гульнуть, потешиться денек-другой, завернув куда-нибудь в сторонку, но хмель и буйство скоро слетали с него, как с гуся вода...» [Там же, с. 104].

Но особенно ярко характеризуют Куролесова пословицы и поговорки, вложенные в уста самого этого персонажа. Жизненная «философия» Куролесова, его понятия о нравственности и морали выражены следующим образом: «Плутуй, воруй, да концы хорони, а попался, так не пеняй» [Там же, с. 119]. Варианты этой пословицы мы находим в сборнике В.И. Даля: «Не то вор, что хорошо крадет, а то вор, что хорошо концы хоронит» [7, с. 162]; «Не тот вор, что крадет, а тот вор, что концы хоронит» [Там же, с. 168].

Впрочем, почти все пословицы и поговорки, используемые Аксаковым в его произведениях, встречаются в фольклорных сборниках, а многие из них до настоящего времени употребляются в быту. Но Аксаков,

конечно, заимствовал их не из сборников, а слышал в живой народной речи, ибо детство и отрочество писателя, за исключением нескольких лет учебы в Казанской гимназии, прошли в деревне, в тесном общении с крестьянами. Отсюда прекрасное знание народного языка и быта, народных обычаев и обрядов, народного поэтического творчества.

Поражают насыщенностью пословицами и поговорками, народными приметам и наблюдениями рыболовные записки и охотничьи книги Аксакова. Соблюдая часто фольклорные традиции, раскрывает писатель в «Записках об ужении рыбы» и в «Записках ружейного охотника...» образы, нравы и повадки рыб и птиц, картины русской природы. Говоря о рыбах и птицах, Аксаков всегда приводит их народные названия, часто ссылается на ту или иную пословицу и поговорку, подчеркивая тем самым национальный русский народнопоэтический колорит всей книги, свое стремление приблизиться в описаниях рыб к языку и стилю фольклора. И этот художественный замысел полностью реализуется в естественнонаучном и вместе с тем высоко поэтическом сочинении писателя.

И, действительно, заходит ли речь, например, о ерше, Аксаков тут же делает пространное лирическое отступление, в котором вспоминает о русских сказках, народных пословицах и поговорках об этой рыбе: «Русский народ любит ерша; его именем, как прилагательным, называет он всякого невзрачного, задорного человека, который сердится, топорщится, ерщится. Про ерша сочинил он, вероятно всем известную, целую сказку с лубочными картинками своенародной фантазии и ино-

гда с забавными созвучиями вместо рифм» [1, т. 4, с. 359]. По-видимому, здесь Аксаков имеет в виду литературную сказку XVII в. «Повесть о Ерше Ершовиче», а также такие пословицы и поговорки, как «Ерш бы в ухе, да лещ в пироге» [11, с. 103], «Ерши не спорое кушанье: на грош съешь, на гривну хлеба расплюешь» [7, с. 815]. Со ссылки на пословицы и поговорки начинает Аксаков и главу о раках: «Хотя рак ни рыба, ни мясо, но лучше и того и другого. Пословица на *безрыбье* и *рак рыба* на этот раз несправедлива» [1, т. 4, с. 411] (ср. у И.М. Снегирева: «На безрыбье и рак рыба, а на безлюдьи и баба человек» [11, с. 169]).

Еще больше пословиц и поговорок, народных примет и предсказаний содержится в «Записках ружейного охотника...»: «Русский народ, однако, знал хорошо гагару только под именем крохаля (без сомнения, это имя древнейшее), потому что крохаль живет до сих пор в поговорке или присловье народном. Когда хотят выразить чью-нибудь заботливость и любовь к другому лицу, то говорят: “Он (или она) дрожит над ней, как крохаль”» [1, т. 5, с. 150–151]; «Собственное имя *гоголя* часто употребляется в народе как нарицательное или качественное. Всякий русский человек поймет, когда скажут про кого-нибудь: “Экой *гоголь!*..” или: “Смотри, каким *гоголем* выступает...”» [Там же, с. 152]; «...он (журавль. – С.Д.) живет и в речи, и в пословицах, и в приметах народных. Длинношеего или длинноногого человека как раз прозовут журавлем. Не желая менять верное малое на неверное большое, говорят: “Не сули журавля в небе, а дай синицу в руки”»; «“Быть рано зиме, – говорит он (крестьянин. – С.Д.), – журавли пошли в поход”, – и всегда

почти верно бывает такое предсказание» [1, т. 5, с. 172–173]; «Народ также думал, да и теперь думает, что глухарь глух. Это доказывает всем известная, укорительная поговорка, которую потчуют того, кто, будучи крепок на ухо или по рассеянности чего-нибудь не дослышал: “Эх ты, глухая тетеря”» [Там же, с. 238–239]; «Заяц – самое робкое и беззащитное творенье. Трусость видна во всех торопливых его движениях и утверждена русскою пословицею: “труслив, как заяц”» [Там же, с. 300]. А вся глава «Голуби» [Там же, с. 268–269] буквально выдержана в народно-поэтическом ключе, насыщена пословицами и поговорками. Причем автор «Записок ружейного охотника...» сыплет их щедрой рукой, как бы погружаясь в фольклорную стихию.

Имея в виду самую разную целевую и идейно-художественную направленность, использует Аксаков малые жанры фольклора и в других своих произведениях. В «Литературных и театральных воспоминаниях» одна-две пословицы нередко заменяют развернутую психологическую характеристику того или иного лица, превращаются в одно из важнейших средств художественной изобразительности. Так, рисуя портрет председателя Московского цензурного комитета В.П. Мещерского, показывая его как «умного и образованного» и вместе с тем «ловкого» и оборотистого человека, Аксаков замечает: «...он, видимо, умалчивал о многом, но я догадывался, что он, как говорит русский народ, “черезо все произошел”» [1, т. 3, с. 117].

Щедро пересыпает Аксаков свою речь пословицами и поговорками в «Истории моего знакомства с Гоголем», подтверждая ими свои сужде-

ния, передавая свои мысли и чувства. В письме к Гоголю, датированном 10 марта 1845 г., автор воспоминаний пишет: «Давно я не писал к вам, милый мой друг Николай Васильевич, и сам давно не получал от вас писем. В продолжение этого времени “много утекло воды”, как говорит русская пословица» [Там же, с. 304]. В другом письме к Гоголю, от 24 мая 1845 г. из Москвы во Франкфурт, Аксаков сообщает, опять-таки ссылаясь на известную поговорку: «Но теперь наступает лето, все наши краснобаи разъедутся по деревням, и здесь хоть трава не расти!» [Там же, с. 307]. Наконец, узнав о том, что в Петербурге печатаются «Выбранные места из переписки с друзьями», полуслепой С.Т. Аксаков 9 декабря 1846 г. диктует своему старшему сыну Константину негодующее и «жестокое» (по определению самого Сергея Тимофеевича) письмо, «в котором просил его (Гоголя. – С.Д.) отложить выход книги хотя на несколько времени». В письме, в частности, есть пассаж (приводим его в сокращении), где Аксаков, для большей убедительности, подкрепляет свою резко отрицательную оценку книги Гоголя известной поговоркой: «В коротких словах скажу вам заключение, которое выведет из него здравый толк простого русского человека: <...> Он (автор “Выбранных мест...” – С.Д.), видно, хочет, живя на чужбине и с каждым днем забывая то, что знал о святой Руси, чужими руками жар загребать» [Там же, с. 325–326].

Будучи прекрасным знатоком русского фольклора, народных пословиц и поговорок, С.Т. Аксаков в статье «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» (1830) в многочисленных замечаниях не раз критикует автора этого исторического романа

М.Н. Загоскина за неправильное или неточное употребление пословиц: «18) *Беденький ох, а за беденьким Бог*; зачем изменять народную пословицу в народном романе? (стр. 245). Надобно сказать: голенький ох, а за голеньким Бог!» [1, т. 4, с. 93] (и, действительно, в сборнике И.М. Снегирева мы читаем: «Голенькой ох! А за голеньким Бог» [11, с. 82]); «7) Опять искажение пословицы: *Не спросясь броду, не бросайся в воду*. Надо сказать: *не суйся в воду*. При некотором размышлении всякий почувствует, что *бросаться и соваться* не синонимы» [1, т. 4, с. 96] (ср. у В.И. Даля в его сборнике: «Не спросившись броду, не суйся в воду!» [7, с. 668]).

Наконец, в одной из своих заметок о комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» Аксаков, возможно, сам того не подозревая, почти слово в слово повторяет суждение А.С. Пушкина о языке грибоедовской комедии: «...множество стихов из нее сделались народными пословицами» [1, т. 4, с. 128]. Пушкин же, как известно, пророчески предсказывал в письме к А.А. Бестужеву от конца января 1825 г. из Михайловского о «Горе от ума»: «О стихах я не говорю, половина – должны войти в пословицу» [9, с. 139].

В настоящей статье рассмотрены далеко не все случаи обращения С.Т. Аксакова в его художественном творчестве, статьях и заметках к фольклорному материалу. Подробное и исчерпывающее освещение вопроса о фольклоризме писа-

теля еще впереди. Мы выявили лишь отдельные аспекты этой большой и важной темы, учет которых поможет полнее раскрыть роль и значение народных песен, пословиц и поговорок, календарно-обрядовой и семейно-обрядовой поэзии в произведениях этого большого русского писателя. При этом за пределами нашего исследования остался такой значительный памятник фольклоризма Аксакова, как его замечательная сказка «Аленький цветочек», помещенная писателем в приложении к «Детским годам Багрова-внука» (подробнее о данной сказке см. статью Ю.К. Бегунова [2]). Но и из приведенных примеров, на наш взгляд, отчетливо видно, насколько велик удельный вес фольклора в произведениях С.Т. Аксакова, как широко и многообразно использовал он в художественных целях самые разные жанры русского народного поэтического творчества.

Аксаков тонко, мастерски привлекает фольклор для характеристики ситуации, воссоздания народного колорита, при изображении природы, для раскрытия личности и психологии того или иного персонажа, особенностей его речи. Такие особенности стиля Аксакова, как точность, ясность, пластичность, во многом идут именно от фольклора, от живого народного языка. Усвоение Аксаковым поэтики и стилистики фольклора способствовало выработке писателем замечательной простоты и вместе с тем выразительности слога, которыми написаны все его произведения.

Библиографический список

1. Аксаков С.Т. Собрание сочинений: В 5 т. М., 1966.
2. Бегунов Ю.К. Источники сказки С.Т. Аксакова «Аленький цветочек» // Русская литература. 1983. № 1. С. 179–187.
3. Джанумов С.А. Фольклор в статьях и письмах Н.В. Гоголя. М., 2011.

4. *Машинский С.И.* С.Т. Аксаков: Жизнь и творчество. 2-е изд., доп. М., 1973.
5. Народные лирические песни / вступ. статья, подготовка текста и примечания В.Я. Проппа. Л., 1961.
6. Песни русских поэтов: сборник: В 2 т. / вступ. статья, биографические справки, сост., подготовка текстов и примеч. В.Е. Гусева. Т. 1. Л., 1988.
7. Пословицы русского народа. Сборник В.И. Даля. М., 1957.
8. Поэзия крестьянских праздников / вступ. статья, сост., подготовка текста и примеч. И.И. Земцовского. Л., 1970.
9. *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: В 16 т. Т. XIII. М.; Л., 1937.
10. Русские народные песни / вступ. статья, сост. и примеч. А.М. Новиковой. М., 1957.
11. *Снегирев И.М.* Русские народные пословицы и притчи. М., 1999.
12. *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 12 т. Т. 4. М., 1980.

References

1. Aksakov S.T. *Sobranie sochineniy* [Collection of works]. In 5 vols. Moscow, 1966.
2. Begunov Yu.K. Origins of a fairy tale by S.T. Aksakov "The Scarlet Flower". *Russkaya literatura*. 1983. No. 1. Pp. 179–187. (In Rus.)
3. Dzhanumov S.A. *Folklor v statyakh i pismakh N.V. Gogolya* [Folklore in the articles and letters of N.V. Gogol]. Moscow, 2011.
4. Mashinsky S.I. S.T. Aksakov: Zhizn i tvorchestvo [S.T. Aksakov: Life and work]. 2nd ed. Moscow, 1973.
5. *Narodnye liricheskie pesni* [Folk lyric songs]. Introductory article, preparation of the text and notes by V.Ya. Propp. Leningrad, 1961.
6. *Pesni russkix poetov: Sbornik: V 2 t.* [Songs of Russian poets: Collection: In 2 vols.]. Introductory article, biographical information, compilation, preparation of text and notes by V.E. Gusev. Vol. 1. Leningrad, 1988.
7. *Posloviцы russkogo naroda. Sbornik V.I. Dalya* [Proverbs of the Russian people. Collection by V.I. Dal]. Moscow, 1957.
8. *Poeziya krestyanskix prazdnikov* [Poetry of peasant holidays]. Introductory article, compilation, preparation of the text and notes by I.I. Zemtsovsky. Leningrad, 1970.
9. *Pushkin A.S. Polnoe sobranie sochineniy: V 16 t.* [Full collection of works in 16 vols.]. Vol. XIII. Moscow; Leningrad, 1937.
10. *Russkie narodnye pesni* [Russian folk songs]. Introductory article, compilation and notes by A.M. Novikova. Moscow, 1957.
11. *Snegirev I.M. Russkie narodnye posloviцы i pritchi* [Russian folk proverbs and parables]. Moscow, 1999.
12. *Turgenev I.S. Polnoe sobranie sochineniy i pisem: V 30 t.* [Full collection of works and letters in 30 vols.]. Works: In 12 vols. Vol. 4. Moscow, 1980.

Статья поступила в редакцию 30.07.2022, принята к публикации 30.09.2022

The article was received on 30.07.2022, accepted for publication 30.09.2022

Сведения об авторе / About the author

Джанумов Сейран Акопович – доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры русской литературы Института гуманитарных наук, Московский городской педагогический университет

Seyran A. Dzhanumov – ScD in Philology, Full Professor; Professor at the Department of Russian Literature, Institute of Humanities, Moscow City University

E-mail: DjanumovSA@mail.ru